

МАРИЯ ЕВДАЕВА

ОБРАТНАЯ СТОРОНА
РАДУГИ

Мария Евдаева

Обратная сторона радуги

«Книга-Сэфер»

2014

Евдаева М.

Обратная сторона радуги / М. Евдаева — «Книга-Сэфер», 2014

Дебютная книга израильской писательницы Марии Евдаевой – удивительно емкое, динамичное повествование об истории израильской семьи. История начинается на палубе парохода «Эксокус», везущего беженцев из восточной Европы в Палестину от немецких зверств под снаряды британских орудий, и продолжена в последующих поколениях родившихся и выросших на обожженной солнцем и пропитанной кровью и потом земле Израиля. Это подлинная семейная сага, в которой читатель найдет и любовные коллизии, и политические баталии, и отголоски трагедии Холокоста... Написанный отличным русским языком, роман Марии Евдаевой доставит удовольствие и ценителям хорошей прозы и тем, кому интересна история Израиля.

Содержание

Предисловие	6
Часть первая	9
Часть вторая	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Мария Евдаева Обратная сторона радуги. Израильская сага

Редактор Алла Борисова
Корректурa Вера Локшина
Верстка, оформление Неся Неплох
Обложка: Лаура Азарьева-Нахшон

Издание осуществлено при содействии благотворительного фонда горских евреев
СТМЭГИ

© Мария Евдаева, 2014

Предисловие

У читателей может возникнуть вопрос, а что означает это название? Действительно: что такое «Обратная сторона радуги»? Что там, за обратной стороной? И вообще, что имеется в виду под словом «радуга»? Может, это не только слово, но и целый сонм понятий и образов? Видимо, так оно и есть. Мне думается, что «радуга», в данном случае, это наши людские чувства, наши желания, наши стремления. Обратной стороной чувств, желаний, стремлений наших является реакция других, порой совсем посторонних людей на все наши душевные действия. Причём людей разных, и хороших, и не очень хороших. Тут выясняется любопытная вещь, что у всех людей есть одно общее свойство, это то, что у каждого человека есть какая-нибудь цель. У одних одна, у других другая. По достижении одной цели мы, люди, пытаемся достичь другой, добившись другой цели, идём к третьей – и это порой нескончаемо. Не все люди преследуют хорошие цели, имеются, разумеется, и такая часть людей, чьи устремления не совсем благовидны или же совсем неблаговидны. Но нам, естественно, хочется знать обо всём. Нам интересно всё, что связано с человеком, с его действиями, поступками, желаниями. Словом: всё и обо всём! Читая это замечательное произведение под названием «Обратная сторона радуги», мы понимаем, что всё вышеперечисленное – здесь есть. Читатель встречается с разными по характеру героями, и каждый из этих героев преследует свою определённую цель.

Прочитав буквально несколько первых строчек, доброжелательный читатель приходит в совершенный восторг от того, что молодая писательница Мария Евдаева так хорошо владеет русским языком. Интуитивно чувствуя слово, Мария умеет чётко составить предложение, выстроить диалог и донести до нас то, что она вкладывает в тот или иной эпизод повествования. Одним штрихом (монологом, диалогом или просто характеризуя того или иного героя книги) умеет показать характеры героев, раскрыть их подлинные чувства. В процессе чтения читатель переносится из относительно недавнего прошлого в старину и обратно. Происходят эти путешествия легко, без напряжения, и поэтому книга читается с большим удовольствием.

Читайте и наслаждайтесь господом!

Уважаемый читатель, я не хочу пересказывать содержания книги или останавливаться на каких-то эпизодах, вы сами прочитаете и оцените художественные качества произведения. Но один секрет я вам открою, того, чего нет в этой книге. Мария Евдаева поэтесса от Б-га и пишет великолепные стихи! В её стихах есть всё: и ритмика, и рифма и, самое главное, глубочайший философский смысл. Я уверен, что в последующих книгах Марии мы сможем в полной мере насладиться мелодикой стихов поэтессы. Несведущему читателю могут быть непонятны какие-то образы, сравнения, метафоры. Но, не следует торопиться и переходить к другому стихотворению. Стоит перечитать его снова, и, уверяю вас, перед вами откроется вся глубина содержания философских образов. Для того, чтобы лучше представить разносторонность таланта Марии Евдаевой приведу несколько фрагментов из разных её стихотворений:

*– Друг дорогой,
Что привлекает тебя в этом призрачном мире
Дай мне ответ.*

*– Вот мой ответ:
Ночь окутала бархатом стан белых лилий
Под крик журавля.*

Вдумайтесь в смысл последних двух строчек, и вам откроется тайна ночи.

*Снег, он не белый, как гладкий
бесчувственный лист,
Снег, он живой и тасует колоду с цветами,
Может, раскинувшись вдале
зацвести васильками,
Может стать нежной лавандой
в тон лунных мерцающих искр.*

Сколько аллегорий, сколько радостных мгновений преподносит нам молодая поэтесса!!!

*Когда мы тоскуем,
хотим повернуть время вспять,
Испить мудрость жизни
спокойней под знаком ненастья;
Познавшему горечь потерь и крушение счастья
Нет больше причин
с вероломной весной ликовать.*

Думаю, любые комментарии, в данном случае, излишни. Лучше, чем сказала поэтесса – невозможно.

В завершении будет не лишним дать краткую биографическую справку. Мария репатрировалась в Израиль в 2000-ом году и через два года была призвана в ЦАХАЛ. Отслужив в армии, хотела сразу продолжить образование в Технионе, но без знания английского языка это было невозможно. Но в Бар Илан на мехину пройти удалось. А через год поступила в Технион на биофак.

Свою творческую планку Мария Евдаева подняла высоко. И пик творчества ещё не достигнут, он впереди.

Салют, Мария!!! В добрый путь и всяческих успехов на жизненном и творческом пути.

Соломон Бен-Эмануэль
член Союза Писателей Израиля

3 сентября 1963 года в кулуарах международного генетического конгресса в Гааге горячо спорили двое молодых ученых.

Могучий норвежец, одетый более уместно для экспедиции по Ледовитому океану, говорил:

– Когда же вы, наконец, прекратите воевать? Ни один принцип не стоит человеческих жизней. Я никогда не признаю государство Израиль, построенное на обломках архаичной религии. Королевство Давида не должно возвращаться на современную карту, не считаясь с окружающими.

– Наше государство уже признано, и вам остается с этим смириться. Мы не развязали ни одной войны самостоятельно, но ни разу не отступили. И не отступим в будущем.

– У вас есть дети? – спросил норвежец. – Вы не задумываетесь, что их ждет в постоянно воюющей стране?

Его оппонент, представитель израильской делегации Рубен Боннер, тоже не любитель официальных костюмов, в оливковой рубашке без галстука, кивнул.

– Есть. У меня приемный сын, его отец погиб в Бухенвальде, и маленькая дочь. Недавно у нее на глазах котенок угодил под машину, это была настоящая трагедия, три дня рыданий.

Именно тогда я понял, что не хочу, чтобы мои дети спокойно перешагивали через трупы в поисках хлеба.

– Я пацифист, и, если Израиля не станет, я первый протяну руку несчастным беженцам. И я уверен, что многие меня в этом поддержат.

– Израильских беженцев вам больше наблюдать не придется. Потеряв свою землю, евреи снова превратятся в народ-скиталец, и его все будут топтать ногами. Поэтому право на существование страны, где я впервые почувствовал себя человеком, я буду отстаивать всеми этически и морально допустимыми методами, а когда этого будет недостаточно, я их нарушу. И мне все равно, как ко мне при этом относятся европейские гуманисты. Если мировая общественность молчала до сих пор, пусть молчит и дальше.

– Разве вы думаете, что я способен топтать людей?

– Конечно, нет, всю черную работу вы оставляете своим последователям. Я тоже уверен, что многие вас поддержат, но исключительно в ваших антипатиях...

Полемику оборвало появление еще одного генетика. Невысокого роста, а по сравнению с норвежцем так и совсем крохотный, подвижный как ртуть доктор Хаим Левенберг схватил соотечественника за локоть и, обронив что-то очень похожее на «Погода сегодня хорошая», увлек за собой в конференц-зал.

– Этот дурак называет себя доктором философии, – Рубен все еще кипел.

– А зачем ты с ним сцепился? Если начнешь спорить с дураком, то дураков будет двое – старая истина.

– Не помню уже, кажется, он сам со мной сцепился.

– А ты не пробовал улыбаться тому, кто намеревается с тобой заговорить? Кроме всего прочего это здорово сбивает с толку потенциального врага.

– Улыбаться всем подряд – твоё амплуа. Смотри, это же Барбара МакКлинток!

– А ты ехать не хотел, – примирительно сказал Хаим.

Доктор Левенберг ждал доклад своего друга, но едва раздался голос Рубена: «Good evening, dear colleagues...», он почувствовал, как его кто-то робко тронул за плечо.

Хаим повернул голову и увидел молодую девушку с красивым, но очень взволнованным лицом.

– Вы израильтянин? – спросила девушка по-немецки.

– Да. А вы?

– Я Марта, переводчик из Москвы. А Рубен Эмильевич ваш друг?

– Кто, простите?

– Доктор Боннер.

– Дорогая, если бы доктор Боннер не был моим другом, я давно бы уже... впрочем, я вижу, вам не до этого.

– У меня есть письмо для него.

– Вы можете на меня положиться, – деликатный Хаим спрятал сложенный лист в папку и больше до него не дотрагивался.

– Тебе записка от русской переводчицы, – сказал Хаим, когда друзья вернулись в гостиницу. – Она еще как то странно тебя назвала – Рубен Эмильевич.

– Это вежливое обращение, что-то вроде Рубен, сын Эмиля. Странно, откуда она меня знает.

Доктор биологических наук Рубен Боннер развернул письмо, пробежал его глазами и вдруг мертвецки побледнел, как подкошенный упал в кресло и закрыл лицо ладонями.

Часть первая

Рубен

1947 г.

Средиземное море не признает компромиссов, презирает полутона, оно непреклонно, как Фемида, и безучастно, как Селена. Течение суток, смена времен года – все следует негласным правилам – на жизнерадостный дневной свет обрушивается мрак, не оставляя деликатным сумеркам никаких шансов, небесно – голубую безмятежность с ловкостью факира сменяет депрессивно-лиловый шторм, и по всему побережью начинается сезон дождей.

Тысячелетиями под его равнодушным взглядом вели свою жизнь окрестные народы: оттачивали корабельное мастерство предприимчивые финикийцы, шлифовали военное дело свирепые римляне, изысканно воспевали обитель Посейдона мечтательные греки.

Но в этот день, казалось, радовались сами ласковые волны. В воды Средиземного моря вышел грузовой корабль с необычным грузом на борту – людьми. Его безустанно преследовали шесть британских военных кораблей, однако возвращавшийся на землю предков народ тоже нес в жилах соленый привкус средиземноморской волны и готов был стоять до последнего. И невозмутимое море великодушно решило отблагодарить своих детей за верность (хотя они и отсутствовали всего ничего, каких-то две тысячи лет) и, во что бы то ни стало, удерживало втрое перегруженный старенький корабль с гордым именем «Эксодус» на плаву.

Стемнело. Молодая женщина пыталась успокоить тихо всхлипывающего малыша. Высокий, темноглазый парень бросил на нее мимолетный взгляд и снова углубился в свои мысли.

Сколько раз он грубил родителям или обижал сестер, а сейчас даже не знает, где их всех искать, хотя за эту возможность он, не задумываясь, отдал бы все, что у него было. Но по совести говоря у него ничего и не было. И он даже не знал, будет ли, да и нужно ли ему что-то еще.

Родным языком парня был венгерский, не содержащий грамматических родов, но он получил образование в Швейцарии, свободно владел немецким и французским, а также различал на слух большинство славянских языков, поэтому давно свыкся с таким нелепым для венгра утверждением, что бездушные предметы тоже имеют пол.

В детстве уроженец Будапешта Рубен Боннер очень любил, когда его отправляли куда-нибудь с поручением, он шел вдоль длинного забора и размышлял о разных разностях, ни на кого не обращая внимания. Задумавшись, он вполне даже мог уйти в другую сторону. Сейчас, бесцельно слоняясь по палубе «Экс-одуса», девятнадцатилетний Рубен обнаружил еще одну странную закономерность – во всех известных ему языках ночь оказывалась женщиной, а день – мужчиной. Он тут же отметил, что ночь действительно обладает классическим женским характером, она прекрасна, так же, как и коварна. Угодных она окутывает дурманом и дарит волшебные истории, а попавших в немилость оставляет наедине с самыми черными мыслями, увеличивая их трагизм сторицей, как маятник, раскачивающийся с большей силой – как к дурному, так и к хорошему. Недаром женщины – и более ласковые родительницы, и более изощренные мстители.

Какая ерунда лезет в голову...

Рубен потряс головой, как будто желая освободиться от непрошенных мыслей, и его внимание снова привлекла молодая мама.

Теперь его взгляд уже не был столь равнодушным. Он разглядел, что женщина очень молода, одета ветхо, но привлекательна от природы. У нее измученное лицо, но совсем не

злое, как это часто бывает. И даже почти счастливое. Откуда берется симпатия? Еще одна великая загадка. Но она часто помогает сгладить несовершенство мира. А иногда она просто необходима, спасительна. Особенно, когда ничего больше не осталось. Даже надежды.

Эти двое вызывали симпатию сразу и безоговорочно, и все странные мысли меркли перед этим. Малыш был лишен детской жизнерадостности, он был притихшим и подавленным, парню вдруг очень захотелось его развеселить...

Днем было совсем тесно, но большинство разбрелось по каюткам. Мальчик осторожно подошел поближе к борту и вдыхал морской воздух.

– Рубен, – позвала молодая женщина.

Парень встрепенулся, как будто окликнули его, а малыш стремительно бросился к маме.

– Пора спать.

– Я туда не пойду, там дышать будет совсем плохо.

– Хорошо, останемся здесь.

– А они нам ничего больше не сделают?

«Они» прозвучало как-то зловеще.

– Нет, родной, их больше нет, мы тут сами.

– Сами, – недоверчиво протянул мальчуган. – Правда, сами?

* * *

Наконец, он решился – подошел к молодой матери и сказал

– Позвольте вам помочь? Не волнуйтесь, я не засну. Пробовал – не получается.

Парень снял теплую куртку и укутал в нее малыша.

– У него астма?

– Да. Вы врач? – удивилась она. – Сколько же вам лет?

– Если это вас утешит, я сын врачей и брат врача. Вас как зовут?

– Хана Гросс, а вас Рубен?

Он кивнул.

– Паршиво, кругом полно народу, но никто не знает, кого как зовут. У вас есть родственники, – он все-таки не выдержал, – ну... вам есть на кого опереться?

Она все поняла и только грустно качнула головой.

– Мы остались одни. Мой муж был инженером, он попал в лагерь в сорок третьем. Фашисты потребовали от него содействия в разработке плана массовых убийств. Он отказался сделать это и ночью вскрыл вены в бараке. О том, что у него есть сын, он так и не узнал. А мне сохранило жизнь знание итальянского, я с детства занималась музыкой. Для поддержания порядка в бараках лагерей немцы держали там переводчиков на языки прибывающих.

Она говорила очень спокойно, как будто даже безучастно, только печаль застывшая в больших серых глазах могла её выдать.

Инженер Гросс показался Рубену настоящим героем. А он, швейцарский франтик в дорожной куртке, неуспевающий по всем предметам, кроме химии... Студент, которого держат в колледже из уважения к заслугам отца – хирурга, автора нескольких научных статей и из-за тревожных новостей, доносившихся из Восточной Европы.

Он снова ударился бы в гнетущие раздумья, но маленький «Эксодус» вдруг неожиданно сильно потрянуло.

– Что это? – испугалась Хана.

– Англичане. Прячьтесь, я прикрою.

Несмотря на свою хрупкость, она легко подхватила ребенка и поспешила с ним к каюте, но вдруг оглянулась на парня.

– А как же вы?

– У меня перед вами есть одно преимущество – спокойно пояснил он, – мне нечего терять. Один из британских кораблей тем временем встал на пути.

– Это территориальные воды Палестины – послышалось из громкоговорителя. – Мы откроем огонь по любому, кто попытается сюда проникнуть. Нам известно, что французы выдали вам фальшивые документы.

«Экзодус» остановился. Несколько британских солдат уже поднялись на палубу и открыли беспорядочный огонь.

– Ложись! – приказал Рубен и, выдернув палку с гвоздем из перевернутого ящика, служившего сидением, приготовился к не слишком умелой, но решительной защите.

– Спокойно, – громко обратился к англичанам капитан Харель. – Вы напугаете детей. Мы принимаем ваши условия.

* * *

– Вам ничего не угрожает, – пообещал английский солдат в хайфском порту. – Вы все отправитесь на Кипр и будете там в безопасности.

Беженцев разместили на трех грузовых кораблях, не приспособленных для перевозки людей, но это уже никого не трогало, эти люди привыкли к лишениям и думали совсем о другом. Стоит ли описывать степень отчаяния тех, кто проделал долгий и опасный путь, чтобы видеть Палестину всего несколько часов. Однако их поджидало еще одно разочарование, в лагерь для перемещенных лиц на Кипре они так и не попали. Британские корабли вернули беженцев к берегам Франции и причалили в рыбацком городке Порт де Бук.

Ребенок расплакался.

– Успокойся, – уверенно сказал ему Рубен. – Мы не сдадимся и не сойдем с кораблей.

Но детские мысли были далеки от кораблей. Малыш огляделся по сторонам и очень тихо сказал.

– Я – плохой человек.

– С чего это ты взял?!

– Боженька меня не слышит. Мама сказала, что он всегда слышит хороших людей и помогает им, тогда я попросил его помочь добраться до Палестины, а Боженька меня не услышал, – он снова заплакал.

– Он услышал, – заверил его Рубен, – и попросил меня позаботиться о вас с мамой.

Глаза малыша расширились от удивления.

– А так разве бывает?

– Ну, знаешь.... Бывает еще и не так! Не дрейфь, приятель, я не брошу вас до самой Палестины.

– А потом?

– И потом тоже.

* * *

На приказ покинуть корабли никто не откликнулся. Положение беженцев усугубляла жара и антисанитарные условия, но еврейские подпольщики из организации Хагана, присутствующие на кораблях, были непреклонны – либо вы везете наших людей в Палестину, либо мы остаемся здесь и начинаем голодовку! Беженцы, не колеблясь, поддержали ультиматум.

– Боже, какой ужас, – вздыхали наблюдающие с берега женщины. – Все-таки эти британцы – жуткие мужланы и головорезы.

* * *

Англичане не выдержали первыми – чертовы французские журналисты раздули из проишедшего мировую сенсацию, перед британским посольством в Вашингтоне уже проводится митинг, давят напоминаниями о декларации Бальфура 1917 года. Необходимо было что-то решать, и англичане решили сыграть в ва-банк.

– Внимание! Если никто не сойдет на берег, мы отправим эти корабли в Германию.

Реакции не последовало.

И снова – путь под испепеляющим солнцем, без продовольствия и медикаментов в наводящую ужас Германию. И снова лагерь, но уже в мирное время.

– Они вернулись? – спросил Хану маленький Рубен.

– Нет, нет, что ты. Это были не они.

Мальчика эти слова не убедили.

– Эти тоже злые. Может, они всегда будут меняться и не пускать нас в Палестину?

– Но ведь мы их не боимся, верно? Теперь у нас есть капитан Харель. Он обязательно что-нибудь придумает.

Чтобы успокоить сына, Хана начала рассказывать ему сказку о том, как жадный гном задумал отнять у королевы её маленького принца, но королева оказалась не такой простушкой, как он рассчитывал, и без обиняков расквиталась со злодеем.

Постепенно вокруг Ханы, несмотря на поздний час и усталость собралось около дюжины малышей, вдохновенно слушающих волшебную историю. Для многих из них это была первая сказка в жизни, и такова оказалась сила её притяжения, что ставшие за годы безумств замкнутыми и нелюдимыми, дети молча собрались вокруг и так же молча разбрелись по своим местам, стоило только ей закончиться.

В тот же час капитан Иоси Харель, двадцати семи лет от роду, угрюмо брел по тель-авивскому проспекту. Уроженец Иерусалима, он считал соплеменников, столько страдавших, но чудом уцелевших, пробиравшихся через границы и проделавших тяжелейший путь по европейским дорогам к заветной Палестине, настоящими героями и был уверен, что не вправе бросить их на произвол судьбы сейчас, когда перед ними захлопнули последнюю дверь – теперь уже англичане, одни из тех, кто два года назад избавили их от ада на земле. Однако его ждало очередное задание, а забота о его подопечных, за несколько напряженных дней ставших почти родными, отныне ложилась на плечи Хаганы.

Внезапно внимание Иоси привлекла что-то горячо обсуждающая толпа. Подойдя поближе, он расслышал, что речь шла о еврейском сражении с британцами на палубе маленького грузового корабля, почти достигшего берегов Хайфы.

– Что и говорить, храбрецы!

– И название подстать – «Эксокус», Исход!

– Да! Этот молоденький капитан – настоящий Моисей нашей современности! – взволнованно выкрикнул небольшого роста человек с пышными усами.

Никем не uznанный и даже наверняка не замеченный Иоси Харель, тем не менее, вдруг победно улыбнулся и зашагал прочь, назавтра ему предстояло отправиться в Италию, где дожидался очередной корабль с еврейскими беженцами.

– Вам больше нечего бояться, – сказал представитель Хаганы, появившийся с пачкой новеньких паспортов, – вы теперь свободные люди и можете отправляться в Палестину, когда захотите.

– Англичане ушли? – недоверчиво спросил кто-то.

– Можно сказать, египетская погоня отступила?

– Отступила по приказу Её Величества, – пояснил палестинец. – А теперь в путь.

* * *

– Ну вот, все у нас получилось, – говорил Рубен Боннер, почти не смыкавший глаз с момента своего обещания поработать ангелом-Хранителем. – Значит, ты все-таки хороший человек.

Малыш счастливо заулыбался.

«Я обрел близких», – пронеслось в мутнеющем сознании.

С корабля уже были видны очертания Хайфы. Народ ликовал, только два Рубена спали рядом на лежанке самым крепким и счастливым сном за последние несколько лет.

Поликлиникой в маленьком южном кибуце заведовала одна пожилая дама, невропатолог из Варшавы пани Саломея Манцевич, пани Шломцион, как называли её с легкой руки раввина Маркуса Фогеля. Несмотря на годы, она была очень энергичной и никогда не сидела без работы.

– У меня масса дел и столько же сил, – отвечала пани Шломцион на все уговоры отдохнуть, – а будете надоедать – напою валерьяной.

После чего садилась на велосипед и отправлялась в город за медикаментами.

Её внучка Фрида прибыла в подмандатную

Палестину с группой молодежи в 1938 году и тем самым спаслась от неминуемой гибели.

– Есть, кому продолжить родословную, – без единой эмоции говорила пани Шломцион и сразу прекращала все разговоры о погибшем сыне и его семье.

Хана стала работать на кухне, где, как оказалось, тоже необходимо было природное чутьё. Кот за сотни километров находит дорогу домой, пчела безошибочно узнаёт нужный ей цветок. У тех немногих, наряду с разумом сохранивших животный инстинкт людей он называется талантом. Как одаренный художник творит шедевры на холсте, однако не может обучить своему мастерству непосвященных, так же и одаренный повар без труда создает кулинарные шедевры, но Хана на этой стезе была абсолютной бездарностью и, несмотря на все усилия, бесконечно жгла, проливали, рассыпала и без того скудные запасы. Многих такая бесхозяйственность откровенно злила. Только одного человека, Рубена Боннера, она умиляла и забавляла, как впрочем, и все в этой женщине. В её беззащитности перед кухонной плитой он чувствовал отголоски её беззащитности перед британцами и мечтал повторить триумф защитника.

Когда-то он задавался вопросом, как формируется симпатия, а сейчас его охватило что-то гораздо более сильное. Если бы сегодня у него отняли возможность её видеть или хотя бы любоваться ею издали, от тотчас же умер бы от горя, не уместил бы столько потерь в одну жизнь.

– Хана, а кем ты была в Берлине, – спросила однажды пани Шломцион, – чем занималась.

– Я была пианисткой, – виновато улыбнувшись, ответила Хана, – аккомпаниаторшей. Когда в консерваторию не поступила.

И для достоверности проделала в воздухе воображаемое глиссандо своей красивой кистью.

– А с N играла?

– Да.

– Гениальный был скрипач.

Больше никто не роптал на Хану – негибаемая старуха покровительствовала ей, а пани Шломцион уважали.

Раввин Маркус Фогель как всегда безразлично смотрел в тарелку. Однажды он стал свидетелем убийства своей семьи во дворе собственного дома. Его жизнь фашисты сохранили, физически сильный мужчина мог пригодиться в трудовых лагерях, только поглумились над несчастным отцом семейства, расстреливая детей по одному.

Бледный юноша по имени Даниэль ни на минуту не оставлял его, с волнением реагируя на малейшее изменение в состоянии своего подопечного. «Это так тяжело, – говорил он, – мне кажется, что рав Фогель постоянно переживает тот ужасный день заново». – «Реактивная депрессия проходит, – успокаивала его пани Саломея, – наберись терпения».

Вдруг в столовой появился молодой человек в форме Палмаха и, увидев появившуюся Хану, так устремился ей навстречу, что едва удержался на ногах. Даниэль проводил его укоризненным взглядом, но солдату, похоже, было все равно.

– Хана, – выпалил Рубен, – знаешь... хочу кое-что тебе сказать... выходи за меня замуж. – И для особой убедительности он взял со стола пучок петрушки и сунул ей в руки вместо букета.

Почувяв что-то интересное, и молодежь, и те, кто постарше, мгновенно навестили уши, только раввин, как обычно, остался безучастным. Растерянная Хана молча оглядывалась по сторонам.

– Давай хотя бы вместе побродим по окрестностям, – не сдавался Рубен, – у меня есть три часа до караула, пара незапылившихся историй и яблоко. И все это твоё.

Ловя на себе многочисленные взгляды, Хана неопределенно кивнула и скрылась на кухне, пани Шломцион незаметно последовала за ней.

– Откуда этот парень?

– Из Будапешта.

– Он тебе нравится?

– Нет, – встрепенулась Хана и бросила, наконец, петрушку на стол.

– Конечно, нет, мне он тоже совершенно не нравится, – согласилась пани Шломцион. – Заканчивай здесь поскорее и возьми у Фриды её зеленое платье. Оно тебе очень к лицу.

– Ребе, как хорошо, что я вас встретил, – говорил в это время Рубен. – Обвенчайте нас, пожалуйста.

– Вы кто такой? – устало спросил Фогель.

– Я Рубен, ребе. Рубен Боннер. У меня было три старших сестры, когда я родился, и мама, по слухам, воскликнула: «А вот и сын!» А за сим другого имени мне уже не светило. Ведь эту же фразу сказала Лея, родив Иакову первенца.

– Рубен лишился права первородства, – тихо сказал раввин, не столько желая спорить, сколько по инерции, – он позарился на наложницу отца.

– Влюбиться невпопад и не наделать ошибок – это же утопия, – согласился парень. – А ведь именно Рубен отказался участвовать в расправе братьев над Иосифом. И даже спас ему жизнь в последнюю минуту.

Фогель равнодушно кивнул и снова уставился в пустоту.

– Ребе, – проникновенно сказал Рубен. – Вы же не откажете осиротевшему солдату?

– Кем были ваши родители?

Рубен понял, что означал этот вопрос, но спокойным голосом ответил:

– Мои родители были врачами, отец хирургом, мама педиатром.

– Рав Фогель спросил не об этом, – как примерный секретарь пояснил Даниэль.

– Хорошо, мой отец был евреем, а мама венгеркой, вас это интересовало?

– Но это значит, что...

– Что законы Галахи не признают меня евреем? А вот немцы признали бы. Мои сестры были близняшками и погибли в лапах чудовища Менгеле. А мама не захотела отвернуться от «расово неполноценного» супруга и последовала за ним в лагерь.

Рассказ Рубена по-человечески тронул Даниэля, но он продолжал стоять на своём.

– Однако отклонившись от законов Торы, мы утратим право на землю, на которую вернулись. Ведь она дарована нам именно Торой.

– Я считаю, что эта земля дарована нам историей, здесь жили наши великие праотцы, духовные лидеры народа.

– Пророки, – поучительно сказал Даниэль. – Пророки, а не лидеры.

– Да как угодно. Только называть талантливых организаторов, умеющих отделять зерна от плевел бычками, которых небеса водили за веревочку, обидно, мне их славные земные дела дороже мифической избранности.

Услышав это неожиданное заявление, Даниэль в справедливом гневе приготовился было обрушить на голову оппонента весь свой запас красноречия, но Фогель неожиданно твердым жестом остановил его.

– Продолжайте.

– Первым лидером был Авраам, человек, по-видимому, добрый и справедливый. Бесмысленная жестокость языческих обрядов амореев, а Авраам родился амореем, его огорчала, поэтому он своевременно дал начало новой религии, взяв за её основу милосердие. И за ним последовали.

– Аврааму было знамение, – возмутился Даниэль – он ничего не придумывал сам.

– Авраам мог стать свидетелем жертвоприношений новорожденных Баалу, у любого стороннего наблюдателя это вызвало бы шок. То, что он посчитал знамением, вероятно, было психогенной галлюцинацией вследствие нервного потрясения. И будучи изобретательным человеком, он ловко положил конец и ритуальным убийствам, притворившись, что хочет принести в жертву новорожденного сына, а потом, сославшись на ангела, дал своим последователям понять, что новое верование подобного рода дела не одобряет.

Даниэль молча, продолжал враждебно поглядывать на новоявленного вольнодумца.

– Вторым лидером был Моисей, сплотивший народ, оказавшийся в угнетенном положении и увлекший его за собой в Ханаан. Талантливый алхимик произвел впечатление на фараона фокусом разложения тиоцината ртути. Эффектно. Брошенная высохшая палка оборачивается змеей, после такого зрелища не только рабов освободишь, тут и рассудка лишиться недолго.

– А как же дарование Торы – Даниэль бережно достал книжечку из нагрудного кармана – вот она, Тора, Пятикнижие Моисеево.

– Если быть честным, Моисеевым было четырехкнижие, пятая книга появилась гораздо позже. Но и это вполне объяснимо. Посмотрим, например, на ситуацию – мать уговаривает ребенка принять лекарство и обещает ему в награду шоколадку. На этот же принцип опирался и Моисей. Лекарством был определенный свод правил, одна из первых в истории национальных конституций, а шоколадкой служила земля, текущая молоком и медом.

Новая народная трагедия явила нового духовного лидера, точнее даже двух. Конец вавилонского изгнания, империя пала, а персидский царь распустил поработанные Вавилоном народы. Надо возвращаться домой, но Иерусалим разрушен, храм сожжен, а в Персии так хорошо и спокойно. Эзра и Нехемия просто обязаны были встряхнуть народ. Вот тогда Тора и стала Пятикнижием, книга «Второзаконие» была случайно найдено во время восстановительных работ в Храме, законы Торы заметно ужесточились в силу времени. А запрет брать жену из других племен появился именно тогда, во избежание проникновения в общину языческих культов, того же Баала и его не менее кровавых приятелей. Трудно поверить, что это совпадение, это фокус, который однажды спас общину. А мы отсутствием гибкости способны её разрушить.

Даниэль был в замешательстве – перед ним сидел какой-то очень странный человек, который был как-то очень странно прав, прав безоговорочно и неоспоримо и в то же время его правота опрокидывала все ранее усвоенные и так трепетно оберегаемые юношей постулаты.

– Да что он себе позволяет! – как-то растерянно воскликнул он.

– Примерно то же самое, что и достопочтенные Эзра и Нехемия – кромсаю Тору в интересах времени. Слов нет, Тора – гениальный свод законов, но боюсь, что все же рукотворный. Если я сейчас признаю ее метафизическое происхождение, я одновременно признаю, что снова оказался неполноценным членом общества. А я этого больше не хочу.

– Нахал, – зло сказал Даниэль. – Не слушайте его, рав Фогель.

– Спокойно, Дани, – остановил его, до последней минуты не проронивший ни слова раввин. И, повернувшись к Рубену, сказал: – Вы, я вижу, человек оригинально мыслящий, почему же стремитесь к религиозному бракосочетанию?

– А разве я сказал, что не одобряю народные праздники? Лучшего повода увековечить исторически важное событие или вовремя собрать урожай и поделиться им с нуждающимся придумать сложно. К тому же это радость, а радость это всегда свежие силы. Да, кстати, скоро Ханука, а детям давно необходим праздник, не по-детски их жизнь началась, вот ведь какая штука. Может ты позаботишься об этом, Дани?

– Позаботься, – согласился раввин и повернулся к Рубену. – А вашу просьбу, мой друг, я все же не смогу выполнить.

Тот сдержанно кивнул и поднялся с видом человека, у которого кончились все весомые аргументы.

– Вы не получили согласия невесты.

Рубен улыбнулся:

– Именно за этим я и направляюсь.

– Ребе, – воскликнул пораженный Даниэль, когда Рубен скрылся из виду, – а если Хана даст согласие, неужели вы соедините этого наглеца с ней под хупой?

– Этот мальчик – сын праведницы, я не могу ему отказать. И в одном он точно прав – мы все сейчас должны держаться вместе и не допускать междоусобиц.

– Но он, по крайней мере, должен сначала пройти испытания на знание еврейских традиций.

– Дани, а ты не наблюдательный, разве он их только что не прошел?

– Но вы же не будете отрицать, что он при этом был на редкость циничен.

– Вы двое так напоминаете Шамая и Гилеля... – задумчиво произнес раввин. – Кажется, суп остыл.

Рубен и Хана стояли у водонапорной башни.

– Трубу проложили от пресного озера, которое находится на севере, за сотни километров отсюда. Фрида так рассказывает.

– В Венгрии много озёр, даже не предполагал, что вода где-то может оказаться ценностью. Я когда-то жил неподалёку от Дуная и часто встречал двух старичков, которые сидели с удочками на мосту. У одного была сердитая жена, а у другого плетеная корзинка с красными яблоками, тот их молча жевал, пока его друг ссорился с супругой и не вмешивался, делал вид, что очень занят своим яблоком, хотя наверное, сам ее побаивался. А когда в сорок пятом мне удалось вернуться в Будапешт, я бродил по разрушенным улицам и вышел к Дунаю, разумеется, их уже не могло там быть, но почему-то я этому удивился, я думал, что они всегда там были и всегда будут. Уже потом я понял, что именно меня так потрясло: когда пропадают привычные глазу картины, начинаешь четко осознавать, что случилось что-то непоправимое. А недавно я сон видел: стоит на берегу Дуная не то статуя, не то манекен, а тот старик, которому от жены доставалось, вложил ему в руку красное яблоко и любит, как на своего друга. Прибежали ребята из кибуца, собрали все яблоки, это тоже прихватили, тогда я взял опавший красный лист и положил обратно ему в руку. А тот рыбак все стоит, смотрит и молчит. Вот такой сон дурацкий...

– Ты так и не нашел свою семью?

– Нашел в списках погибших имена родителей и двух сестер.

– А третья?

– Агнеш? Не было. Надеюсь, она в Палестине, хотя кто теперь знает.

Рубен замолчал.

– О чем ты все время думаешь? – спросила Хана.

– Уже несколько месяцев я постоянно думаю о тебе. Боюсь еще и тебя потерять.

Хана робко погладила его по плечу.

– Рав Фогель согласился обвенчать нас, как только ты будешь согласна.

– Как же тебе удалось его разговорить?

– Я начал с ним спорить, это мне наверное и помогло. А может я ошибался, Бог все-таки есть и решил, наконец, включиться в игру.

– Конечно, есть.

– Тогда самое время поздравить его с пробуждением. И, желательно, посоветовать хорошего окулиста. У тебя никого нет на примете?

– Не надо так говорить.

– А что я еще могу сказать? – Рубен замолчал, собираясь с духом – Хана, послушай, я готов ждать тебя, сколько потребуется, но лишь бы это не оказалось напрасным, поэтому, если я не тот, кто тебе нужен, скажи об этом прямо сейчас.

Вдруг в один миг захлестал ливень, поглотив его последние слова, как это часто случается в самый неподходящий момент.

– Ай! – от неожиданности воскликнула Хана.

– Дьявольщина, – Рубен подхватил хрупкую подругу на руки и устремился с ней к ближайшему укрытию. – Зевсу-то я чем не угодил?

– Ну вот, здесь хорошо, – тяжело дыша, сказал он, забежав в столярную мастерскую.

Хана вдруг развеселилась, это маленькое происшествие показалось ей забавным.

Удивительно, но мастерская, несмотря на

поздний час, не было пуста. Застигнутый врасплох Даниэль быстро накрыл что-то старой газетой.

– Дани, – удивился Рубен, – чего это ты тут изобретаешь?

Не говоря ни слова, Даниэль выбежал под проливной дождь и скрылся из виду.

– Да подожди ты, простудишься ведь, – крикнул Рубен. – Вот дурень!

Хана молча любовалась им.

– Да, – сказала она, наконец, – я выйду за тебя замуж. И сестру твою мы обязательно найдем.

Маленький Рубен окреп и повеселел.

– Скоро мы с мамой замуж выходим, – рассказывал он своим друзьям.

Маму он не ревновал, поскольку отца не помнил, а мамин избранник был ему по душе, это все давно заметили.

С тех пор, как его старший друг медленно пошел на поправку, Даниэль, многому за это время научившийся, оставался помощником пани Шломцион. Однако теперь у него случались и свободные минуты. Декабрь подходил к концу, близилась Ханука. Собрав вокруг себя малышей, Даниэль рассказывал о восстании Маккавеев и о великом чуде спасения, давшем начало празднику. Слушали его с интересом, Даниэль неожиданно проявил и талант рассказчика, и умение находить индивидуальный подход к каждому из детей. Вечерами он по-прежнему уходил в мастерскую, но так никому и не рассказывал, что там делает. А однажды, поднявшись чуть раньше обычного, объявил, что ему надо отправиться в Тель-Авив по делам.

– Ну, ты у нас загадочная натура, – ответила на это пани Шломцион. – Ладно, поезжай.

Тель-Авив завораживал Дани, он бродил по ярким улицам и думал о том, что этот большой город с высотными домами, банками и ресторанами там, где еще недавно была пустыня, при этом город абсолютно еврейский, вот оно и есть, настоящее ханукальное чудо.

Последнюю свечу ханукального светильника зажигали с небольшим сожалением. Уходящего праздника детям было особенно жаль, и только маленький Рубен рассудил по-философски – «Пусть, чем скорее кончится Ханука, тем скорее настанет Пурим!»

Когда Рубен одел на палец Хане изящное колечко, он почувствовал себя человеком, все мечты которого сбылись в одночасье, поэтому всю торжественную атмосферу, царящую вокруг, воспринимал, как в тумане. Хана, казалось, находилась в такой же эйфории.

Подошел Даниэль с большим свертком, который неуклюже спрятал подмышку, протянул Рубену руку и выпалил:

– Я желаю вам счастья, а это мой свадебный подарок, – вручил сверток Хане и, волнуясь, отошел в сторону.

– Это же скрипка, – Хана не верила глазам. – Дани, ты сделал скрипку? Сам?

– Сам. Не хотел, чтобы ваш талант пропал даром. Мой отец был лютье, кое-чему я у него успел научиться, – и с важным видом добавил: – вот только жаль тирольской ели нет.

Хана взяла скрипку и заиграла «ойфн припечек». От её беззащитности не осталось и следа, уверенными и даже властными движениями она сразу подчинила себе самодельный инструмент и заставила его издавать потрясающие звуки. В этом новом образе она оказалась еще привлекательнее.

– Так ты за струнами ездил в Тель-Авив? – шепотом спросил Рубен.

– Ну да, за струнами.

– Надо же, Дани, да ты просто молодец.

Юноша покраснел и растянул пухлые губы в улыбке.

Пришла весна, принесся ожидаемый за Ханукой Пурим, а вслед за Пуримом вернулась беда. Наверное, она и не планировала свой окончательный уход, именно поэтому не попрощалась, покидая вместе с британцами гамбургский порт.

14 мая 1948 года Давид Бен-Гурион в тель-авивском музее провозгласил создание независимого еврейского государства. Во всех уголках страны, включая маленький кибуц, прогремел его, усиленный динамиками, голос. Англичане покинули Израиль, и он незамедлительно оказался втянут в свою первую войну за существование, за Независимость.

В первые дни войны маленький кибуц оказался костью в горле продвигавшихся на север египтян. Убрать его с пути стало задачей номер один. В спешке эвакуировав стариков и детей, два взвода батальона крестьянской молодежи Палмах на свой страх и риск встали на защиту с большим трудом поднятой земли, располагая помимо легкого оружия одним пулеметом – против египетской авиации. Отдать врагу своё ханукальное чудо, свой Тель-Авив?! Никогда этому не бывать!

Первый налет им удалось отбить. Но за ним последовали второй и третий. Держать удар было все сложнее, и через неделю отчаянной борьбы защитники кибуца отступили. Путь к Тель-Авиву для египтян был свободен. Уже несколько десятков километров отделяло их от цели, и израильтянам не оставалось ничего иного, как нанести контрудар с воздуха по египетским колоннам. Этого никто не ожидал, египтяне в растерянности отступили.

Хана с сыном дожидались в Хайфе, они занимали маленькую комнату на первом этаже старого дома. Положение было тяжелое, с севера наступали ливанские танки, арабы в спешке покидали город.

Рубен оглядывал их скромное жилище.

– Бен-Гурион призвал на военную службу всех мужчин от семнадцати до тридцати восьми лет. Нарушить приказ я не могу и не хочу, но как же я оставлю вас здесь одних?

Черные мысли о недавнем поражении Палмаха и о необходимости оставить свою новую семью в незнакомой и опасной Хайфе снова накрыли его с головой.

– Не тревожься об этом, – просила Хана, – я видела более тяжелую жизнь. Здесь у нас все будет хорошо.

– Я больше не боюсь! – уверял маленький Рубен. – Теперь я знаю, что я хороший и Боженька меня слышит. Ведь это я попросил его вас поженить. Просто возвращайся скорее, мы тебя любим!

И он спустя год вернулся. Вместе с вестью о безоговорочной победе Израиля. Хайфа постепенно возвращалась к мирной жизни.

– С этого города началось наше знакомство со страной, – сказала Хана. – Знаешь, я бы очень хотела остаться здесь навсегда. Мы оба – городские жители, нам уже не измениться.

– А я почти привык было к крестьянской жизни.

В свое время его действительно восхищал энтузиазм молодежи, осушающей болота и строящей водонапорные башни, создавшей сильную армию и возводящей прекрасную страну в пустыне.

– Зачем нам оставаться в Хайфе?

– Затем, чтоб ты, наконец, продолжил образование, ты должен поступить в Технион.

Рубен мотнул головой.

– Дохлый номер. Я напрочь лишен прилежания. Скорее всего, упустил тот момент, когда оно формируется в зачатке. Вместо того, чтобы привить мне тягу к знаниям, учителя воевали с моей дьявольской шуйцей, на костре, правда, не сожгли, но желание учиться зверски растерзали.

Рубен не лукавил. Разгуливая леворукий мальчишка по парижской улице Сен Дени веке в восемнадцатом, он бы не преминул пустить пыль в глаза друзьям-париям, но Рубену Боннеру повезло меньше. Он появился на свет по другую сторону жизни, где выделяться из толпы было равносильно вызову. Тогда он потерпел первое в своей жизни серьезное поражение, а за ним последовало непонятное, но естественное для ребенка, которым недовольны окружающие, чувство вины. Не понимая в чем именно он виноват, но отчаянно пытаясь исправиться, он однажды не понял, а просто почувствовал, что все эти попытки бесполезны, что человек, возмнивший себя хозяином природы является просто её самым заносчивым рабом. Однако природа великодушна, она ответит на все вопросы тому, кто не перечит ей. И, еще в детстве, обладая сильным характером, в одиночку зажил по её правилам.

Голос Ханы вернул его к действительности.

– Не верю. У тебя редкая эрудиция.

– Поняв, что выровнять успеваемость мне уже не светит, я стал много читать. Скажем так, наверстывал недоработки образования. В конце концов, я обнаглел до такой степени, что читал прямо на уроках, пристроив книгу под партой. А потом отец отправил меня в от греха подальше в Берн, но я и там плохо учился.

– Бог наградил тебя незаурядными аналитическими способностями, а ты хочешь пустить их по ветру.

– Бог... Чем дальше, тем меньше я его понимаю. Или тех, кто утверждает, что хорошо его знают. Богу приписывают человеческий характер, причем каждый наделяет его своим собственным. Даже несчастья, выпавшие на долю человека, позиционируются с двух сторон – вредного соседа Бог наказывает за грехи, а мне, безгрешному по определению, посылает испытания, как Иову. Если и есть где-нибудь высший разум, ох, и потешается же он над нами.

Мудрая и по-женски изворотливая Хана одарила мужа лукавой улыбкой и произнесла:

– Согласна. И вместе с тем считаю, что лишать мир такого естествоиспытателя крайне неблагоприятно. Он предложил пари, мы его принимаем.

Это «мы» понравилось ему больше прочих убеждений. К тому же надежду однажды продолжить образование Рубен лелеял давно, но не решался признаться даже любимой женщине.

– Сдаюсь, – вздохнул он.

В том же году он поступил на биологический факультет хайфского Техниона.

1962 г.

Хана, которую Рубен всю ночь прижимал к себе, как ребенок любимую игрушку, бесшумно выскользнула из его объятий и сидя перед зеркалом, расчесывала свои каштановые кудри, когда он открыл глаза.

– Где молодежь? – Рубена удивила неестественная для выходного дня тишина.

– Я отправила детей в пекарню. Скоро будем завтракать.

Но дети внезапно ворвались в дом безо всяких покупок.

– Эйхмана поймали! – кричал молодой Рубен, размахивая свежей газетой. – Моссад! В Аргентине!

Маленькая Эсти бежала следом, счастливая от причастности к сенсации.

Рубен развернул газету.

«Сообщение Давида Бен Гуриона: Адольф Эйхман находится в Израиле и в скором времени предстанет перед судом» – гласил заголовок.

В последующие восемь месяцев вся страна следила за самым напряженным судебным процессом. Адольф Эйхман, гестаповец, ответственный за «окончательное решение еврейского вопроса», двенадцать лет скрывавшийся в Аргентине, за время процесса не показал ни единой эмоции на лице. Он в целях разумной безопасности сидел за пуленепробиваемым стеклом и с легким интересом выслушивал свидетельские показания ста одиннадцати выживших узников фашистских лагерей, все их проклятья в свой адрес воспринимал безучастно и лаконично твердил в ответ на большинство вопросов: «Я выполнял приказ».

Генеральный прокурор Гидеон Хаузнер, будучи одним из лучших юристов Израиля, тоже старался не давать волю эмоциям, хотя это давалось ему, уроженцу Польши, все сложнее и сложнее. «Как – размышлял он – ну как в человеке все это время могли ужиться равнодушие и ненависть?!» Но когда на вопрос, в чем провинились маленькие дети, Эйхман спокойно ответил, что ликвидировать надо было всех представителей нежелательной расы, иначе операция не имела бы смысла и бросил на обвинителя взгляд, в котором читался ехидный вопрос «Разве вы не понимаете таких простых вещей?», Хаузнер с трудом подавил желание наброситься на подсудимого с кулаками.

Обвинительное заключение состояло из 15 пунктов, ни один из которых не заставил военного преступника хотя бы на мгновение измениться в лице. Даже смертный приговор Эйхман выслушал с самым невозмутимым видом.

В ночь с 31 мая на 1 июня Рубен безотрывно наблюдал за стрелками часов, медленнее, чем обычно подбирающимися к полуночной отметке и с ужасом понимал, что тяжести на его душе не становится меньше. Вот и казнили злого Амана... И дальше ничего...

Весь следящий день он выслушивал пафосные речи друзей, отмечая про себя, что большинство из них, так же как и он сам, попросту хорохорятся с камнем на сердце. И только под вечер, когда кроткая Хана вдруг твердо сказала: «Вот теперь мы страна, с которой будут считаться в мире. Когда вы с Дани восхищались Тель-Авивом, даже когда Бен Гурион провозгласил независимость, я не ощущала этого так, как сейчас», он почувствовал, как душевная боль медленно затухает.

– Рубен, ты едешь в Гаагу.

– Чего мне там делать, – пожал тот плечами, – в Голландии сейчас осень, дождь, тоска...

– И международный генетический конгресс, – добавил его научный руководитель профессор Лерман, – в котором должны принять участие израильские специалисты.

– С каких пор кто-то интересуется мнением с Гондваны?

– С момента раскола Пангеи, – спокойно сказал профессор. – Есть более существенные вопросы?

– Нет.

– Ну, вот и отлично.

– Вопросов нет, я не поеду, – твердо заявил Рубен и демонстративно направился было к двери, в которую вдруг влетел его стремительный коллега доктор Хаим Левенберг. Он, как обычно, был в курсе всех текущих дел.

– Приветствую, господа!

– Рад был поболтать, – бросил Рубен уходя.

– Что опять произошло?... А, кажется все ясно, Боннер отказался ехать в Европу, а наше присутствие на конгрессе, разумеется, необходимо.

– Да необходимо, Хаим, Боннер, конечно, парень сложный, но далеко не дурак. Ну а ты-то человек благоразумный. Постарайся его убедить.

Дверь снова распахнулась.

– Благоразумный Хаим! Тебе не надоело это слушать? – Спросил Рубен.

– Смертельно надоело, но ты никак не доставишь мне удовольствия отдохнуть от этой фразы.

– Значит, договорились, – обрадовался профессор. – А сейчас я просто засыпаю на ходу. До завтра, ребята.

«Дорогой Рубен Эмильевич!

Пишу Вам, потому что больше у меня нет ни одного близкого человека, и только злой рок не позволил мне стать вашей племянницей. Мои родители погибли во Львове летом 1941 года, когда немцы убивали всех польских интеллигентов. Мне тогда было четыре года, я стала жить с бабушкой, но она вскоре умерла. Не помню, сколько времени точно я пряталась, но однажды меня нашли. Во Львове с приходом немцев появилось много украинских националистов, они носили желто – голубые повязки, грабили евреев и поляков, вели себя, как настоящие бандиты. Один такой нашел меня и отвел к немцам. Помню, что меня везли на поезде в Польшу. Там было очень много людей, в основном, евреев. В конце пути у меня закружилась голова, и я потеряла сознание. Так я оказалась в лагере.

В больнице работала еврейская девушка из Венгрии, Агнеш Боннер. Я почти уверена, что это ваша сестра. Она говорила с врачом по-немецки, я мало что понимала, но кажется, ей удалось доказать, что мне уже почти десять лет и я могу работать.

Она ночевала в маленькой комнатке в самой больнице, меня привела туда же и объяснила, что теперь я буду её помощницей. Сейчас я понимаю, что так она спасала меня от верной гибели.

А потом не раз говорила, что когда прекратится весь этот ад, она увезет меня в Палестину и удочерит. Но этому не суждено было случиться, маму Агнешку убил немецкий офицер по имени Христиан Рейтенбах, он часто крутился у больницы, наверное, что-то подозревал. Я несколько раз слышала, как он пытается заговорить с ней по-венгерски, но она всегда молчала. Однажды она задерживалась, и я осторожно выбралась, чтобы поискать её. Но увидела только, как Рейтенбах и один еврей, которому он, наверное, приказал помогать, несли её тело и закапывали за бараками.

Я снова пряталась, к тому времени я уже хорошо выучила больницу, а когда пришла Красная армия вернулась с ними в Москву.

Вас я заметила, когда вы говорили с другом. Сначала вы хмурились, но увидели что-то интересное и заулыбались. Эта улыбка показалась мне очень знакомой, точно так же улыбалась ваша сестра. Сначала я не придавала значения этим воспоминаниям, но когда объявили ваш

доклад, у меня уже не было сомнений, я знала, что у мамы Агнешки есть младший брат и сразу поняла, кто передо мной.

Наверное, я не должна выражать радость в печальном письме, но такая возможность может и не повториться. Хочу вам сказать: вы не должны грустить, вашей сестре должно быть очень хорошо в раю. Я тоже хочу попасть в рай, чтобы встретить своих родителей и маму Агнешку. Я не верю, что они просто перестали жить, как сгоревшие свечи, скорее всего, они продолжают жить в раю.

Напишите мне, если посчитаете нужным, я буду рада.

С уважением Марта Гловацкая.»

Хана сложила письмо.

– Ты разговаривал с ней?

– На глазах у советской делегации? Я бы её погубил.

– Верно. Но мы должны что-то предпринять, – решительно сказала Хана. – Мы можем пригласить в Израиль эту девушку.

– Мы должны жить, как раньше. Увы, мы можем только навредить. Девушка поступила импульсивно, этому порыву нельзя потакать, мне остается добавить только «к сожалению».

– Ты ей не веришь? Она знает, где похоронена твоя сестра. Ты же так мечтал найти её все это время.

– Живую.

– Марта последняя из тех, кого Агнеш видела живой.

– Вот поэтому я и не могу обесценить жертву своей сестры. Её не вернешь, а если я сейчас войду в жизнь этой девочки, даже по её просьбе, я и её жизнь разрушу. Она полька, Агнеш не успела её официально удочерить. Кто в нашей стране признает её моей племянницей? А на родине ей могут перекрыть все дороги за переписку с израильтянами. Анико, любимая, да ты не хуже этой Марты витаешь в облаках.

– Она так обрадовалась тебе...

– Она обрадовалась прошлому. Но я-то не Агнеш, я её младший брат, ухудшенная версия Он чиркнул спичкой, но Хана оказалась проворнее.

– Не может быть, чтоб ситуация оказалась совсем безнадежной. Я позвоню адвокату...

– Валяйте, – не выдержал Рубен, – пишите, звоните, попадайте в рай, а у меня в аду есть враг по имени Христиан Рейтенбах, и я намерен заглянуть ему в глаза или что там есть в аду.

Хана молча опустила письмо в шкатулку.

Рубен впервые повысил голос на жену, к тому же он невольно обманул ожидания последнего человека из прошлого и чувствовал себя отвратительно.

Часть вторая Эсти

1977 г.

Став столицей молодого государства один из древнейших городов планеты приосанился и расцвел. Неужели эти выскочки – новостройки Тель-Авив и Ришон Ле Цион решили, что Иерусалим позволит им себя перещеголять? Нет уж, и ультрасовременный торговый центр, возвышающийся над восточным базаром, и высокооснащенная больница с видом на легендарную гору Скопус, хранящую следы Александра Македонского, и дорогие автомобили у входа в ресторан под взглядами привязанного неподалеку навьюченного ослика – все это напоминало сказку о внезапном пробуждении красавицы, проспавшей несколько веков.

Когда от центральной станции в Иерусалиме отошел в Хайфу скорый поезд, молодой офицер взял полистать забытый кем-то журнал, но либо журнал оказался неинтересным, либо парень окончательно выбился из сил, читать он передумал, достал из нагрудного кармана цветной снимок и стал внимательно его разглядывать.

На снимке были изображены двое молодых мужчин в форме офицеров воздушно-десантных войск, стоящих перед ветряной мельницей, той самой мельницей, выстроенной в Иерусалиме лордом Монтефиоре. По назначению мельница Монтефиоре так ни дня и не проработала и только добавляла сюрреализма в общую картину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.